

4. Поражение социальной революции и возврат к консерватизму

19 октября Витте был назначен на пост премьер-министра — должность, созданную ради укрепления нового принципа министерской солидарности. На него возлагалась задача обеспечить обещанные Манифестом 17 октября свободы, подготовить выборы в Думу, восстановить порядок. С первых же дней своего назначения Витте оказался в изоляции, столкнувшись с растущей неприязнью Николая II (называвшего своего премьер-министра «политическим хамелеоном») и двора, с недоверием даже самых умеренных либералов, таких, как Шипов и Львов, отказавшихся войти в правительство. Витте не сумел удержать равновесие между реформами и репрессиями и пошел по пути репрессий.

Октябрьский манифест представлял собой значительный этап в политической борьбе либералов, которую они вели уже более года. Однако он не смог ограничить революционные выступления только политическими требованиями и разрядить обстановку, особенно накалившуюся в последние месяцы 1905 г. Как только закончилась всеобщая забастовка в Санкт-Петербурге и в Москве (21 октября), вспыхнул мятеж на военно-морской базе в Кронштадте (26 — 27 октября). Следом за ним другой — на военно-морской базе в Севастополе. Под руководством лейтенанта П.Шмидта мятежники создали Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, которому суждено было просуществовать всего лишь с 11 по 15 ноября. Тем временем беспорядки охватили всю трассу Транссибирского железнодорожного пути — взбунтова-

лись военные части, дожидавшиеся возвращения домой после окончания русско-японской войны.

Истолковав Манифест 17 октября как снятие всех запретов и под влиянием эсеровских решений II съезда крестьян (6—10 ноября, Москва), подтверждавших принцип национализации земли, стали бунтовать крестьяне. Кульминационной точки их волнения достигли в ноябре — декабре 1905 г. Движение охватило главным образом Симбирскую, Курскую, Черниговскую и особенно Саратовскую губернии. В ряде мест были разгромлены все помещичьи усадьбы. Правительство вынуждено было прибегнуть к суровым мерам — послать карательные войска, объявить во многих местах чрезвычайное положение, — чтобы остановить беспорядки, однако летом 1906 г. они возобновились. В разгар волнений консервативные силы организовали так называемые черные сотни, по образцу казачьих сотен. В них набирали как крестьян, так и городских люмпен-пролетариев, разжигая в них старые чувства антисемитизма. Пользуясь благосклонным покровительством царской полиции, черные сотни устраивали многочисленные погромы. Только за один октябрь число их перевалило за 150 — в основном в южных городах, где еврейское население составляло довольно значительный процент. 8 ноября при попустительстве Витте с помощью Трепова и нового министра внутренних дел Дурново крайне правые круги создали «Союз русского народа» во главе с А.Дубровиным и В.Пуришкевичем. Провозгласив лозунг «Православие, самодержавие и народность», они призвали к борьбе против «внутренних врагов».

Самым значительным испытанием, выпавшим на долю правительства Витте в последние месяцы 1905 г., оказалось его противостояние Санкт-Петербургскому Совету, а затем и Московскому Совету рабочих депутатов. Санкт-Петербургский Совет, сформировавшийся 13 октября во время всеобщей забастовки преимущественно из депутатов, избранных на предприятиях, и членов революционных партий, сумел добиться постоянного роста своего влияния и в конце концов стал представлять интересы половины наемных рабочих столицы. Так, после публикации Октябрьского манифеста, стоящий во главе Совета адвокат-меньшевик Хрусталева-Носарь продолжал агитировать рабочих за борьбу вплоть до полной победы над царской властью. 2 ноября Совет призвал рабочих на новую всеобщую забастовку, требуя от царского правительства отменить военное положение в Польше и суд над кронштадтскими мятежниками. Однако три дня спустя Совет вынужден был свернуть забастовку, так и не добившись уступок от правительства. Спустя некоторое время Совет провозгласил восьмичасовой рабочий день на заводах, но владельцы объявили локаут, и Совету пришлось «временно приостановить» введение объявленных мер. Повторные поражения вызвали у рабочих чувство бессмысленности борьбы, чем воспользовалось правительство для контратаки. 25 ноября власти арестовали Хрусталева-Носаря; его сменило коллективное руководство Советом, среди членов которого выделялся молодой талантливый оратор, меньшевик Троцкий. 3 декабря во время заседания были задержаны все 267 делегатов Совета. Таким образом, Санкт-Петербургский Совет рабочих депутатов за пятьдесят пять дней своего существования из обычного стачечного комитета сумел превратиться в некий рабочий парламент, где большинство рабочих столицы, пользуясь немислимой еще несколько месяцев назад свободой собраний и слова, смогло познакомиться с политическим словарем и понятиями, которые раньше были в ходу только у немногих посвященных. Санкт-Петербургский Совет продолжил опыт Ивановского Совета. К концу 1905 г. в главных промышленных центрах страны уже насчитывалось несколько десятков Советов.

В конце ноября рабочие волнения в стране вспыхнули с новой силой. Идея Ленина, высказанная в статье «Две тактики...», о необходимости вооруженного восстания для вступления в следующий этап революции, проникала все глубже в сознание масс. Ее воплотил в жизнь Московский Совет, основанный 22 ноября и объединивший членов различных социалистических партий, избранных в результате многоступенчатых выборов. Довольно многочисленные в Совете большевики организовали «боевые дружины». 2 декабря в одной из частей Московского гарнизона начались волнения. Совет решил, что пришло время действовать, и назначил на 7 декабря начало всеобщей политической забастовки и восстания, которое должно было свергнуть царскую власть. Несмотря на поддержку значительного числа бастующих, Сове-

ту все же не удалось, как в октябре, остановить работу жизненно важных отраслей, в частности железнодорожного транспорта. Восстание было обречено. За четыре дня (15—18 декабря) войска под командованием адмирала Дубасова сумели расправиться с очагами восстания, во главе которых стояли боевые отряды большевиков, сконцентрированными главным образом в районе Пресни, на западе Москвы. Несмотря на неудачу, революционеры сочли, что итоги восстания не были только отрицательными. Если еще год назад рабочее движение было «политически аморфным и лишенным классового сознания», то опыт, приобретенный революционным Советом в ходе восстания, полностью преобразил его, окончательно убив в рабочих патриархальные иллюзии и лояльность по отношению к монархии. В исторической перспективе разгром Советов способствовал укреплению в стране консервативных позиций, а вызванная им жесткая политика репрессивных мер окончательно остановила реформы и «мирное обновление» России.

Власти, почувствовав силу в борьбе с социальной революцией, решились пересмотреть свои обещания, данные 1 7 октября. Всего за несколько месяцев они превратились «в недостижимые золотые яблоки сада Гесперид», как с горьким юмором писала газета «Право». Первая из обещанных свобод — неприкосновенность личности — была не более чем пустым звуком, ибо кругом шли аресты подозреваемых. За один только декабрь 1905 г. в столице было арестовано около 2 тыс. человек. Весной 1906 г. общее число заключенных в тюрьмы и высланных превысило 50 тыс. человек. Такого количества репрессированных при царской власти еще никогда не было.

С принятием 24 ноября «Временных правил» пресса пользовалась относительной свободой. Однако несколько месяцев спустя гораздо более жесткие правила вновь ограничили свободу прессы. Право на забастовку фактически сводилось на нет законом от 2 декабря, запрещающим бастовать государственным служащим, служащим общественных учреждений и рабочим предприятий, «жизненно важных для экономики страны».

О свободе слова и говорить было нечего. Как могла она сочетаться с законом от 13 февраля 1906 г., согласно которому можно было подвергнуть преследованиям любое лицо, виновное в «антиправительственной пропаганде»? Принятая 11 декабря реформа избирательной системы обманула надежды либеральной оппозиции, хотя по сравнению с законом от 6 августа все же представляла собой шаг вперед. Избирательный ценз стал менее суровым, 25 млн. человек получили право голоса. Однако выборы оставались многоступенчатыми, а права избирателей — неравными. Все избиратели делились на четыре курии (помещики, горожане, рабочие и крестьяне). Каждая из них выбирала своих «полномочных избирателей» в избирательные округа. Закон о выборах, очень сложный и запутанный, стремился в первую очередь обеспечить права помещиков, а затем — крестьянства (в деревне оно составляло 43% полномочных избирателей), так как считалось, что крестьянство придерживается консервативных взглядов. Полномочия Думы, таким образом, заранее сильно ограничивались. Накануне предвыборной кампании правительство решило провести реформу Государственного совета. Из административного органа он превращался в верхнюю палату будущего парламента, преданную власти и имеющую равные с Думой законодательные полномочия.

Одновременно с этими мерами 24 апреля, всего лишь за три дня до открытия Думы, были приняты Основные законы, сильно ограничивающие ее законодательные, бюджетные и политические права. Дума лишалась законодательной инициативы и не могла преобразоваться в Учредительное собрание. Ей запрещалось обсуждать вопросы, относящиеся к «ведению государя», такие, как дипломатические, военные, вопросы отношений, в том числе экономических, с другими странами и внутренние дела двора. Финансовые prerogatives Думы были еще более куцыми, чем законодательные. В ее компетенцию не входили все затраты, связанные с вопросами «ведения государя», а также с государственной задолженностью; в конечном итоге половина бюджета страны не подлежала контролю со стороны Думы. Государь сохранял «высшую самодержавную власть» (из официальных документов было исключено лишь слово «безграничную»); в перерывах между сессиями Думы (а время сессий определялось государем) только он мог провозгласить и утвердить новый закон, объявить или снять чрезвычайное положение, приостановить по своей воле действие любого

закона или гражданских свобод. Министры назначались и снимались со своих постов по его соизволению и отвечали за свои действия перед ним одним. Таким образом, о парламентском правлении не могло быть и речи.

Единственной неудачей консервативной реставрации, блестяще проводимой Витте, стали выборы в Думу. Закон о выборах делал ставку на монархические и националистические чувства крестьянской массы. В действительности же крестьяне поддерживали оппозиционные партии. Даже учитывая, что страна не имела такого опыта, выборы, растянувшиеся на три недели (с 26 марта по 20 апреля 1906 г.), прошли самым несовершенным образом. Власти мало вмешивались в спокойный ход выборов; участие в них приняла только половина избирателей. Это были первые выборы за всю историю России. Многие партии оспаривали голоса избирателей:

— Союз русского народа — крайне правая партия, националистическая по духу, придерживающаяся монархических и антисемитских взглядов.

— Союз 17 октября (так называемые октябристы) — представлял умеренное крыло либерального движения, вполне удовлетворенное обещанными свободами и созывом Думы.

— Партия конституционных демократов (кадеты) — левое крыло либералов, объединявшее земских представителей, стоящих на конституционных позициях, а также более радикальные элементы из профессиональных союзов. В отличие от октябристов кадеты считали Манифест 17 октября началом политической борьбы, которую они намеревались продолжить в самой Думе, с целью установления подлинного парламентского правления в стране. Ввиду того что большинство социалистических партий бойкотировало выборы, кадеты сумели привлечь на свою сторону множество избирателей, не только из своей среды — просвещенной буржуазии и среднего сословия, — но и представителей национальных меньшинств, в защиту которых они выступили, а также часть крестьян, которым они обещали проведение земельных реформ.

Что касается социалистических партий, они в целом остались верны политике бойкота выборов. Однако позиции их были различными. Наиболее последовательно политику бойкота проводили большевики, не выдвинув в Думу ни одного депутата. Меньшевики же приняли активное участие в выборах, и им удалось провести нескольких депутатов, главным образом от Грузии. Эсеры бойкотировали выборы, на их места тут же были избраны депутаты от близких к эсерам крестьянских кругов, которые образовали впоследствии фракцию трудовиков.

Результаты выборов были обнародованы 20 апреля. Исходя из них можно сделать несколько общих выводов:

1. Несмотря на все оградительные меры, такие, как избирательный ценз и многоступенчатые выборы, власти потерпели относительное поражение на выборах. Крайне правые партии и октябристы получили всего лишь 10% голосов. Выборы наносили жестокий удар по основному догмату самодержавия — нерушимому единству царя и народа.

2. Большинство крестьян, вместо того чтобы поддержать на выборах тех, кто считал себя их естественными защитниками, помещиков или местных государственных служащих, проголосовало за своих собственных кандидатов или за кандидатов оппозиции. Таким образом, в Думу были избраны около 100 беспартийных депутатов, стоящих на позициях аграрных реформ, и еще 100 депутатов — трудовиков.

3. Главную победу на выборах одержала партия кадетов, получившая более трети всех мест. Это был результат весьма умелой кампании, которую провели лучшие публицисты и ораторы страны. Конфликт между оппозиционно настроенной Думой, считавшей себя хранительницей национального суверенитета, и государем, претендующим на роль носителя исторической и монархической законности, стал неизбежен. Но борьба оказалась неравной.

За несколько дней до открытия Думы Витте подал в отставку (14 апреля), получив перед этим весьма значительный заем, более чем половину которого предоставило правительство Франции. Заем спас царский режим от финансового краха. Витте критиковали как либералы, так и консерваторы. Последние обвиняли его в своем

провале на выборах. Отставка Витте знаменовала собой серьезное поражение: обновления самодержавия по прусской модели не получилось.